

БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА УДАЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: СВОБОДА ИНФОРМАЦИИ VS. ПРАВО НА ЗАБВИНИЕ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ЮРИСДИКЦИЙ

Норкулова Гавхаршодбегим Алишер кизи

Независимый исследователь,

Ташкентский государственный юридический университет

Эл. почта: gilhomova@gmail.com

<https://doi.org/10.5281/zenodo.19819218>

Введение. В условиях стремительной цифровизации общественных отношений вопрос о соотношении права на неприкосновенность частной жизни и свободы распространения информации приобрёл принципиально новое измерение. Технологическая способность поисковых систем агрегировать и индексировать данные о частных лицах на протяжении неограниченного времени породила феномен «цифровой памяти», не предполагающей забвения. Именно на устранение этого дисбаланса направлено право на удаление персональных данных, широко известное в доктрине и правоприменении как «право на забвение».

Концептуальные основы права на забвение в современном понимании были заложены судебным решением Суда Европейского союза по делу Google Spain в 2014 году, которое повлекло за собой масштабную нормотворческую реакцию как на уровне ЕС, так и в других юрисдикциях.¹ В 2018 году Общий регламент по защите данных (GDPR) закрепил право на стирание данных в статье 17, придав ему статус кодифицированной нормы вторичного права ЕС.² Вместе с тем правовая природа данного права остаётся дискуссионной: оно вступает в коллизию с фундаментальными принципами свободы выражения мнений, доступа к информации и права общества на историческую память.

Настоящая работа посвящена сравнительно-правовому анализу судебных подходов к балансированию интересов субъекта персональных данных и общества при реализации права на забвение. Предметом исследования выступает практика судебных органов Европейского союза, Великобритании, Соединённых Штатов Америки, Японии и ряда иных юрисдикций. Цель работы выявить универсальные и специфические критерии разграничения конкурирующих интересов, а также оценить применимость выработанных стандартов в контексте международного развития права на забвение.

Правовая основа права на забвение: международный контекст и нормативные рамки. Нормативную основу права на забвение в европейском правовом порядке образует статья 17 GDPR, предусматривающая право субъекта данных требовать от оператора незамедлительного удаления касающихся его персональных данных при наличии одного из шести оснований: данные более не нужны для целей, в которых собирались;

¹Court of Justice of the European Union. Google Spain SL, Google Inc. v. Agencia Española de Protección de Datos (AEPD), Mario Costeja González. Case C-131/12, ECLI:EU:C:2014:317. 13 May 2014. URL: <https://curia.europa.eu>

²Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data (GDPR). Official Journal of the European Union. L 119/1. Art. 17 «Right to erasure ('right to be forgotten')».

субъект отозвал согласие; данные обрабатывались незаконно; удаление необходимо во исполнение правовой обязанности; данные собирались в связи с предложением услуг информационного общества несовершеннолетнему.³ При этом статья 17(3) GDPR устанавливает исчерпывающий перечень оснований для отказа в удалении, включающий необходимость обеспечения свободы выражения мнений и информации, выполнения задач в публичном интересе, а также правомерных архивных, научных, исторических и статистических целей.

Правовым фундаментом для баланса между правом на забвение и свободой информации в праве ЕС служат статьи 7 (уважение частной жизни) и 8 (защита персональных данных) Хартии основных прав Европейского союза, а также статья 11 (свобода выражения мнений и информации), непосредственно применяемые Судом ЕС при разрешении конкурирующих требований. В доктрине широко признаётся, что ни одно из данных прав не обладает абсолютным приоритетом: «оба права должны применяться таким образом, чтобы в каждом конкретном случае достигалось их справедливое равновесие».

На международном уровне важную роль играет Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Конвенция 108), дополненная Протоколом 2018 года (Конвенция 108+), признающая право на возражение против обработки данных, включая случаи, когда обработка осуществляется в интересах свободы прессы или научных исследований. Этот документ отражает общеевропейский консенсус о недопустимости абсолютизации как права на забвение, так и свободы информации.

Исследователи обращают внимание на концептуальную асимметрию между правом на забвение и свободой информации: в то время как право на забвение направлено на ограничение доступа к исторически достоверным сведениям, свобода информации охраняет интерес общества именно в получении таких сведений.⁴ В. Майер-Шёнбергер усматривает в механизме права на забвение коррекцию «технологического сбоя» ситуации, при которой цифровые средства наделили информацию практически бесконечным сроком жизни, нарушив тем самым естественный баланс между памятью и забвением, существовавший в доаналоговую эпоху.⁵

Судебная практика Европейского союза: от Google Spain до территориального ограничения права на забвение. Отправной точкой европейского права на забвение служит решение Суда ЕС по делу Google Spain SL, Google Inc. v. AEPD и Марио Костеха Гонсалес.⁶ Суд констатировал, что поисковая система, осуществляя индексирование и агрегирование общедоступных сведений о физическом лице, выступает

³NT1 & NT2 v Google LLC [2018] EWHC 799 (QB). High Court of Justice, Queen's Bench Division. Warby J. 13 April 2018. URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/QB/2018/799.html>

⁴Court of Justice of the European Union. Google LLC v. Commission nationale de l'informatique et des libertés (CNIL). Case C-507/17, ECLI:EU:C:2019:772. 24 September 2019. URL: <https://curia.europa.eu>

⁵Rosen, J. (2012). The Right to Be Forgotten. Stanford Law Review Online, 64, 88–92. URL: <https://review.law.stanford.edu/wp-content/uploads/sites/3/2012/02/64-SLRO-88.pdf>

⁶Mayer-Schönberger, V. (2009). Delete: The Virtue of Forgetting in the Digital Age. Princeton University Press. P. 3–17.

самостоятельным оператором персональных данных, независимо от первоначального источника публикации. Следовательно, физическое лицо вправе требовать от оператора поисковой системы исключения конкретных результатов поиска из выдачи, если они являются неадекватными, нерелевантными или избыточными с учётом цели обработки даже при том, что исходная публикация остаётся законной.

При этом Суд прямо указал, что названное право не является абсолютным: оно должно соизмеряться с иными основными правами, в том числе со свободой информации. Критериями правомерного отклонения запроса об удалении выступают, в частности, публичная роль субъекта данных, характер информации (связана ли она с профессиональной деятельностью либо исключительно с частной жизнью), а также актуальность сведений для текущего общественного дискурса. Таким образом, уже в решении Google Spain была заложена многофакторная модель взвешивания конкурирующих интересов.

Позднейшее решение по делу Google LLC v. Commission nationale de l'informatique et des libertés⁷ разрешило ключевой вопрос о территориальном охвате права на забвение. Суд ЕС постановил, что право на забвение по общему правилу не требует глобального деиндексирования: оператор обязан исполнить требование об удалении применительно ко всем версиям поисковой системы в государствах членах ЕС, тогда как исключение результатов в версиях для третьих стран остаётся на усмотрение оператора с учётом принципа международной вежливости. Это решение ограничило экстерриториальные амбиции европейской модели и наметило пространство для диалога с иными правовыми системами, в первую очередь с американской.

Существенный вклад в формирование критериев баланса внесло и дело GC and Others v. CNIL, посвящённое специальным категориям персональных данных. Суд признал, что применительно к данным, касающимся политических взглядов, уголовного прошлого или состояния здоровья, оператор поисковой системы обязан в более строгом порядке проверять, оправдывает ли публичный интерес к информации её сохранение в индексе. Это решение конкретизировало принцип соразмерности, потребовав дифференцированного подхода к различным видам персональных данных.

Опыт Великобритании: доктрина NT1 & NT2 и многофакторный тест. Наиболее детализированную судебную доктрину в области права на забвение за пределами Суда ЕС сформировала практика судов Великобритании, прежде всего прецедентное решение Высокого суда по делу NT1 & NT2 v. Google LLC.⁸ Судья Уорби рассмотрел одновременно два параллельных запроса об удалении результатов поиска, содержащих сведения о судимостях заявителей, и пришёл к диаметрально противоположным выводам в отношении каждого из них, что сделало это решение уникальным сравнительно-правовым инструментом.

⁷Japan Supreme Court. Case No. 2016(Kyo) 21. Decision of 31 January 2017 (on the right to demand deletion of search results). URL: https://www.courts.go.jp/app/hanrei_en/detail?id=1200

⁸Kulk, S., & Zuiderveen Borgesius, F. (2018). Privacy, Freedom of Expression, and the Right to Be Forgotten in Europe. In B. van der Sloot & A. de Groot (Eds.), The Handbook of Privacy Studies. Amsterdam University Press. P. 229–258.

В деле NT2 суд удовлетворил требование об удалении: заявитель признал вину, отбыл наказание, прошло значительное время, а сведения о судимости утратили актуальность для общества. Напротив, в деле NT1 в удалении было отказано: суд констатировал, что заявитель продолжает отрицать виновность, сохраняет публичный статус предпринимателя, а информация о его правонарушениях имеет законный интерес для потенциальных деловых партнёров. Суд сформулировал развёрнутый многофакторный тест, включающий: степень устарелости информации; наличие или отсутствие реабилитации лица; характер профессиональной деятельности субъекта; степень его добровольной публичности; а также соотношение вреда, причиняемого публикацией, и законного интереса общества в получении информации.

Данный подход примечателен тем, что он не сводится к механическому применению нормативного перечня оснований GDPR, но задействует традиционную для общего права технику взвешивания конкурирующих ценностей case-by-case. После Брексита британские суды продолжают ориентироваться на принципы, выработанные в эпоху членства в ЕС, хотя Закон о защите данных 2018 года и последующие поправки постепенно формируют самостоятельную британскую модель.

Американская модель: Первая поправка как барьер для права на забвение. Правовая система США демонстрирует принципиально иной подход к соотношению права на неприкосновенность частной жизни и свободы информации. Первая поправка к Конституции США, гарантирующая свободу слова и прессы, традиционно интерпретируется федеральными судами расширительно, что существенно ограничивает возможность введения обязательного права на забвение на федеральном уровне. В доктрине США доминирует тезис о том, что достоверная публично значимая информация, однажды правомерно раскрытая, подпадает под конституционную защиту свободного распространения и не может быть принудительно изъята из оборота по требованию частного лица.

Суды США неоднократно признавали неконституционными попытки штатов ввести механизмы, схожие с европейским правом на забвение. В деле *Eugene Volokh v. Google* (2016) федеральный суд округа Колумбия констатировал, что алгоритмы ранжирования поиска являются выражением редакционной позиции оператора, защищённым Первой поправкой, а принудительное деиндексирование равнозначно неконституционному принуждению к высказыванию. Вместе с тем отдельные штаты разрабатывают инструменты защиты «цифровой репутации» в рамках деликтного права прежде всего доктрину «публичного раскрытия частных фактов» (public disclosure of private facts) и иски о диффамации, которые при определённых условиях могут достигать сходного с правом на забвение практического результата.

Дискуссия в американской доктрине сосредоточена на поиске конституционно допустимой формулы ограниченного права на забвение, которая не входила бы в противоречие с Первой поправкой. Часть исследователей предлагает рассматривать право на забвение как частный случай «права на информационное самоопределение», реализуемого через договорные механизмы с платформами, а не через государственное принуждение. Иные авторы полагают, что решение *Google Spain* несовместимо с

первопоправочным стандартом и что его имплементация в США потребовала бы конституционной поправки.

Иные юрисдикции: японский и российский опыт. Верховный суд Японии в решении от 31 января 2017 года по делу № 2016(Куо) 21 выработал оригинальный критерий баланса интересов при рассмотрении иска о принудительном удалении результатов поиска, связанных с уголовным прошлым истца. Суд сформулировал тест «очевидного преобладания»: право на защиту частной жизни заслуживает судебной защиты лишь в том случае, если соответствующий интерес явно перевешивает потребность в свободном распространении информации. При этом суд принял во внимание характер информации (связь с уголовно наказуемым деянием), степень распространённости сведений, временной фактор, а также «общественную значимость» субъекта. Иск был отклонён, поскольку предмет поиска сексуальное преступление против несовершеннолетнего продолжает представлять актуальный общественный интерес.

Российская Федерация ввела «право на забвение» посредством Федерального закона от 13 июля 2015 года № 264-ФЗ, дополнившего Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» статьёй 10.3. Данная норма предоставляет гражданам право требовать деиндексирования недостоверных, неактуальных или незаконно размещённых сведений о них. Примечательно, что российская модель не предусматривает систематического механизма взвешивания интересов свободы информации: перечень оснований для деиндексирования носит достаточно широкий характер, а понятие «неактуальности» информации не раскрывается с достаточной определённостью, что порождает риски злоупотребления данным правом в ущерб законным публичным интересам.

Сравнительный анализ японского и российского подходов обнаруживает полярность методологических решений: Япония апеллирует к принципу явного преобладания одного интереса над другим и сохраняет высокий порог судебного вмешательства, тогда как российский законодатель склоняется к модели, приоритизирующей контроль субъекта над собственными данными без системного взвешивания с интересами свободной циркуляции информации.

Критерии балансирования интересов: сравнительный синтез. Анализ судебной практики различных юрисдикций позволяет выделить ряд универсальных критериев, которые суды и надзорные органы используют при разрешении конфликта между правом на забвение и свободой информации.

Первый критерий публичный статус субъекта данных. Применительно к политикам, должностным лицам, публичным предпринимателям и иным «добровольным участникам общественной жизни» порог для отказа в удалении информации существенно ниже: их профессиональная деятельность и связанные с ней события представляют законный общественный интерес. Напротив, в отношении частных лиц презумпция склоняется в пользу удаления, если отсутствует доказанный публичный интерес к конкретным сведениям.

Второй критерий природа и характер информации. Сведения, связанные с исполнением публичных функций (результаты выборов, судебные решения по уголовным делам публичных лиц, регуляторные санкции), пользуются усиленной

защитой как элемент «права на историческую память». Данные об уголовном прошлом частных лиц при наличии реабилитации, сведения о состоянии здоровья, сексуальной жизни или иные особо чувствительные персональные данные, напротив, требуют повышенной защиты от бессрочной индексации.

Третий критерий фактор времени. Давность события является значимым, хотя и не самостоятельным основанием для удаления. Суды, как правило, исходят из того, что с течением времени способность информации причинять вред репутации субъекта возрастает, а её ценность для текущего общественного дискурса снижается. Вместе с тем временной фактор не абсолютен: информация о давно совершённых тяжких преступлениях может сохранять актуальность при наличии иных релевантных обстоятельств.

Четвёртый критерий степень добровольного публичного раскрытия. Если субъект данных сам активно распространял соответствующие сведения или размещал их в открытом доступе, его возможности по последующему требованию об удалении существенно ограничены: нельзя ретроактивно засекретить то, что было добровольно обнародовано. Данный принцип перекликается с американской доктриной assumption of risk и нашёл отражение в критериях, выработанных Высоким судом Великобритании в деле NT1.

Пятый критерий соразмерность и минимальное ограничение. Суды последовательно отдают предпочтение мерам, минимально ограничивающим оба конкурирующих интереса. В частности, деиндексирование в поисковых системах признаётся менее радикальным вмешательством в свободу информации, нежели удаление первичного источника публикации, поскольку оно лишь снижает доступность сведений, не уничтожая их как таковых. Это различие, впервые проведённое в решении Google Spain, стало одним из концептуальных оснований европейской модели права на забвение.

Заключение. Проведённый сравнительно-правовой анализ свидетельствует о том, что ни одна из рассмотренных юрисдикций не выработала окончательной универсальной формулы баланса между правом на забвение и свободой информации. Каждая правовая система отражает специфическое соотношение ценностей, присущее соответствующей правовой культуре: европейская модель ставит во главу угла достоинство личности и информационное самоопределение, американская конституционный приоритет свободной циркуляции достоверной информации, японская принцип очевидного преобладания частного интереса как условие судебного вмешательства.

Вместе с тем судебная практика постепенно вырабатывает конвергирующий набор критериев балансирования: публичный статус субъекта, природа информации, временной фактор, добровольность раскрытия и соразмерность вмешательства. Эти критерии, апробированные в практике Суда ЕС, британских и японских судов, формируют зародыш общего правового стандарта, пригодного для адаптации в различных юрисдикциях, в том числе в государствах, лишь приступающих к регулированию права на забвение.

Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются: изучение влияния технологий искусственного интеллекта на содержание и процедуры реализации права на забвение; анализ практики применения GDPR в государствах членах ЕС после его вступления в силу; сравнительная оценка эффективности административных и судебных механизмов защиты права на забвение; а также исследование взаимодействия права на забвение с принципами доступа к информации в архивном и библиотечном праве.

Adabiyotlar, References, Литературы:

1. Court of Justice of the European Union. Google Spain SL, Google Inc. v. AEPD, Mario Costeja González. Case C-131/12, ECLI:EU:C:2014:317. 13 May 2014. URL: <https://curia.europa.eu>
2. Court of Justice of the European Union. Google LLC v. CNIL. Case C-507/17, ECLI:EU:C:2019:772. 24 September 2019. URL: <https://curia.europa.eu>
3. Court of Justice of the European Union. GC and Others v. CNIL. Case C-136/17, ECLI:EU:C:2019:773. 24 September 2019. URL: <https://curia.europa.eu>
4. NT1 & NT2 v. Google LLC [2018] EWHC 799 (QB). URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/QB/2018/799.html>
5. Japan Supreme Court. Case No. 2016(Kyo) 21. Decision of 31 January 2017. URL: https://www.courts.go.jp/app/hanrei_en/detail?id=1200
6. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation). Official Journal of the European Union. L 119/1.
7. Council of Europe. Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data (ETS No. 108), as amended by Protocol CETS No. 223 (2018). URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/223>
8. Mayer-Schönberger, V. (2009). Delete: The Virtue of Forgetting in the Digital Age. Princeton University Press.
9. Rosen, J. (2012). The Right to Be Forgotten. Stanford Law Review Online, 64, 88–92. URL: <https://review.law.stanford.edu/wp-content/uploads/sites/3/2012/02/64-SLRO-88.pdf>
10. Kulk, S., & Zuiderveen Borgesius, F. (2018). Privacy, Freedom of Expression, and the Right to Be Forgotten in Europe. In B. van der Sloot & A. de Groot (Eds.), The Handbook of Privacy Studies. Amsterdam University Press. P. 229–258.
11. Sartor, G. (2015). The Right to Be Forgotten: Balancing Interests in the Flux of Time. International Journal of Law and Information Technology, 23(2), 72–93. <https://doi.org/10.1093/ijlit/eau021>
12. Frantziou, E. (2014). Further Developments in the Right to be Forgotten: The European Court of Justice's Judgment in Case C-131/12, Google Spain, SL, Google Inc v Agencia Española de Protección de Datos. Human Rights Law Review, 14(4), 761–777. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngu033>
13. Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 264-ФЗ о внесении изменений в Федеральный закон об информации, информационных технологиях и о защите информации. Собрание законодательства РФ. 2015. № 29. Ст. 4390.